

Сильный и слабый дизъюнктивизм: краткий сравнительный очерк

Бандурин М. А.,

к. и. н., независимый исследователь, Иваново,
mb.ivs@gmail.com

Аннотация: Краткий очерк посвящён изложению основных положений сильного дизъюнктивизма в его сравнении со слабым дизъюнктивизмом. Они рассмотрены в основной части в качестве единственно возможного способа защиты реалистического понимания истины как сочетающего в себе интернализм с тезисом о независимости истины от интроспективной обоснованности. Сделан общий вывод, что слабый дизъюнктивизм, несмотря на то, что выгодно отличается от своих оппонентов в этом отношении, не может претендовать на защиту реалистического понимания истины.

Ключевые слова: эпистемология, дизъюнктивизм, интроспекция, знание, истина, убеждение, кажимость, галлюцинация, инфантилизм, обоснование, опровержение.

Настоящий очерк посвящён изложению основных черт эпистемологической теории, которую можно обозначить как сильный дизъюнктивизм, в её сравнении со слабым дизъюнктивизмом. При этом мы намеренно не уточняем, о каком дизъюнктивизме идёт речь — эпистемологическом или метафизическом, потому что, во-первых, считаем, что затянувшаяся дискуссия по поводу разграничения этих типов дизъюнктивизма никуда не ведёт, и, во-вторых, что любая разновидность дизъюнктивизма является и эпистемологической, и онтологической. Мы вынуждены быть максимально лаконичными и избегать подробного изложения и аргументации по каждому частному вопросу, потому что выбранная тема очень обширна, и исчерпывающее её изложение в формате одного очерка невозможно. В частности, мы не будем специально останавливаться на критике конъюнктивизма¹.

¹ Термином «конъюнктивизм» мы обозначаем интернализм недизъюнктивистского типа.

Сильный дизъюнктивизм представляет собой общую эпистемологию, делающую утверждения о самой природе знания. Главной целью сильного дизъюнктивизма является защита реалистического понимания истины в качестве составной части этого понимания. Он сводится к трём основным положениям.

I. Обоснование истинности объекта, кажимость которой² с необходимостью дана в любом познавательном акте, происходит интроспективно в силу реальности самого познавательного акта, в котором она дана, при условии его непровергнутости.

II. Кажимость истинности объекта, характерная для выявленной впоследствии познавательной ошибки, хотя и является полностью реальной, не существует ни до, ни после своего опровержения.

III. Опровержение познавательного акта может быть только онтологическим.

Каждое последующее основное положение сильного дизъюнктивизма является следствием предыдущего. Рассмотрим их по порядку.

В общем виде дизъюнктивизм обычно определяют как утверждение о том, что феноменальный характер галлюцинации не следует объяснять так же, как феноменальный характер восприятия. При этом т. н. феноменальный дизъюнктивизм утверждает, что феноменальный характер восприятия одновременно является интроспективно выявленной объективностью и нерепрезентативным отношением к независимым от ума объектам³. Общим полемическим принципом дизъюнктивизма является отрицание концепции явления вообще⁴, которое допускается конъюнктивистами в качестве общего онтологического рода, призванного объяснить предполагаемую неразличимость феноменального характера восприятия и неотличимой от него галлюцинации.

² Кажимость истинности объекта является при этом синонимом кажимости обоснованности убеждения в отношении истинности объекта. отождествление этих понятий обосновывается в основной части очерка.

³ R. Locatelli. Relationalism in the Face of Hallucinations, Ph.D Thesis. Université Panthéon-Sorbonne — Paris I, 2016. P. 1.

⁴ Следуя Г. С. Рогоняну, мы используем формулировку «концепция явления вообще» как эквивалент английского выражения «Common Kind Assumption», которое на русский язык довольно тяжеловесно переводится как «допущение общего рода». Помимо лаконичности, используемое нами выражение удачно подчёркивает идеалистическую направленность концепции. См.: Рогонян Г. С. В чём не ошибаются рациональные животные? (Рецензия на книгу McDowell J. Perception as a Capacity for Knowledge. Marquette University Press, 2011, 57 p.) // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. 34. № 4. С. 237.

По меткому выражению М. Мартина, правильно понятый дизъюнктивизм является реагирующим, т. е. блокирующим скептический аргумент, претендующий на отрицание нашей возможности познавать внешний мир, а не призванным дать прямой ответ на картезианскую скептическую проблему⁵.

Сильный дизъюнктивизм соглашается с общим отрицанием концепции явления вообще и утверждением феноменального дизъюнктивизма о природе феноменального характера, но расширяет это утверждение на любой познавательный акт и предпочитает говорить о кажимости, а не о феноменальном характере. Таким образом, п. I понимается как интроспективно обоснованное. Здесь нам могут возразить, что даже если допустить интроспективную доступность такой природы феноменального характера, отсюда не будет следовать то, что она дана в любом познавательном акте. Так, феноменальный характер галлюцинации интроспективно неотличим от феноменального характера восприятия, но, согласно основному принципу дизъюнктивизма, не может быть дан в восприятии, хотя оно, несомненно, является познавательным актом. Поэтому только некоторые познавательные акты могут быть интроспективно выявлены как истинные. В ответ мы утверждаем, что такой ход рассуждений демонстрирует слабость, т. е. непоследовательность обычного дизъюнктивизма.

Эта непоследовательность основана на допущении принципиальной интроспективной неотличимости галлюцинации от истинного восприятия, которое свойственно как конъюнктивизму, так и слабому дизъюнктивизму. Только первый его онтологизирует, а второй пытается пресечь неправомерные выводы из него с помощью тезиса о том, что истинное восприятие по определению отлично от галлюцинации⁶. Здесь нас могут поправить, напомнив, что феноменальный дизъюнктивизм утверждает не то, что восприятие по определению отлично от галлюцинации, а то, что феноменального характера галлюцинации не существует вследствие его неотличимости от феноменального характера истинного восприятия, который, в свою очередь, неотличим от самого себя⁷. На это мы возразим, что это лишь подтверждает то, что феноменальный дизъюнктивизм основан на допущении принципиальной интроспективной неотличимости, а это для нас самое главное.

⁵ M. G. F. Martin. *On Being Alienated*. *Perceptual Experience*, ed. Tamar S. Gendler and John Hawthorne. Oxford, 2006. P. 355.

⁶ H. Logue. *Disjunctivism*. *The Oxford Handbook of Philosophy of Perception*, ed. by M. Matten. Oxford, 2015. P. 198.

⁷ R. Locatelli. *In Defence of Phenomenal Disjunctivism: An Elucidation*. *Phenomenology and Mind*, № 4, 2016. P. 158.

Действительно, сильный дизъюнктивизм как раз исходит из отрицания этого допущения⁸ и в силу этого избавлен от затруднений, с которыми сталкивается феноменальный дизъюнктивизм. Главное из них Р. Локателли назвала «загадкой феноменального характера», вызванной необходимостью примирить допущение интроспективной неотличимости с тезисом об отсутствии у галлюцинации собственного феноменального характера⁹. На наш взгляд, допущение неотличимости сделано на основе ошибочного понимания интроспекции, поскольку эта интроспекция понимается как отношение к объекту только в случае если она подтверждена восприятием, истинность которого обоснована независимо от неё. При этом нельзя сказать, что это допущение является необходимым следствием неспособности интроспекции выявлять ложный познавательный акт в момент его появления, потому что все участники дискуссии признают эту неспособность. Скорее, оно взаимообусловлено с более общим взглядом на природу познавательного акта как должного быть истинным онтологически, чтобы обосновать истинную интроспекцию. В результате всех этих допущений получается, что интроспекции необходимо быть онтологически подтверждённой истинными познавательными актами, чтобы быть отношением к объекту, но о самом этом подтверждении можно судить только по факту. Отсюда следует, во-первых, что интроспекция сама по себе эпистемологически нейтральна¹⁰, т. е. лишена знания, и, во-вторых, что интроспективно выявленная истинность подтверждающего познавательного акта должна была быть подтверждена ещё одним познавательным актом. Таким образом, слабый дизъюнктивизм методологически предполагает своеобразное сочетание порочного круга и бесконечного регресса оснований.

Конъюнктивисты рассуждают схожим образом, но поскольку они онтологически придерживаются концепции явления вообще, то могут проинтерпретировать тезис о нейтральности интроспекции только в смысле её неспособности обеспечивать доступ к независимым от ума объектам, а её необходимое онтологическое подтверждение искать в истинных познавательных актах, относящихся к «реальным нефизическим объектам»¹¹. Можно сказать, что конъюнктивизм предусматривает фаллибилизм интроспекции, требующий её онтологического подтверждения определённым

⁸ Это, однако, не является основным полемическим моментом, как будет показано ниже.

⁹ R. Locatelli. Disjunctivism and the Puzzle of Phenomenal Character. Vieira da Cunha R., Morando C. and Miguens S. (eds.) From Minds to Persons: Proceedings of MLAG's First Graduate Conference. FLUP, Porto, 2014. P. 50.

¹⁰ F. Pereira. Gandarillas Sense-data, Introspection and the Reality of Appearances. Praxis Filosófica, Nueva serie, № 33, agosto-diciembre 2011. P. 103–104.

¹¹ Ibid. P. 79.

классом истинных познавательных актов, не относящихся к независимым от ума объектам¹². Как бы то ни было, трудно не увидеть общую парадигму в аргументации слабых дизъюнктивистов и конъюнктивистов: взаимообусловленность допущений интроспективной неотличимости галлюцинации от истинного восприятия и необходимости онтологического подтверждения интроспекции истинным познавательным актом. Поэтому мы утверждаем, что тезис о нейтральности интроспекции является лишь смягчённым вариантом «мифа о данности», критика которого в узком понимании является одной из основных тем Дж. Макдауэлла¹³.

Здесь необходимо вернуться к одному упущению, которое было совершено в самом начале дискуссии. Там мы сформулировали возражение, согласно которому интроспекция является отношением к независимым от ума объектам только в случае некоторых познавательных актов. Дальнейшая аргументация в защиту этого утверждения упустила из виду, что в п. I говорится не об истинности объекта, которая с необходимостью дана в любом познавательном акте, а об интроспективном обосновании её кажимости. Если бы не было этого уточнения, то п. I выглядело бы как извращённый тезис слабого дизъюнктивизма, который как раз утверждает для познавательного акта необходимость быть онтологически истинным для обоснования истинной интроспекции. Из него с необходимостью следует, что истинная интроспекция не может быть обоснована любым познавательным актом. Однако п. I отрицает этот тезис, считая его связанным с ошибочным пониманием интроспекции, и говорит не об обосновании интроспекции познавательным актом, а просто об обосновании кажимости истинности объекта. Теперь, когда мы обратили внимание на это упущение, нам могут возразить, что в таком случае утверждение о том, что обоснование кажимости истинности происходит в силу реальности самого познавательного акта, является ложным, потому что интроспекция не обладает обосновывающей силой в отношении истинности объекта. Наоборот, истинность объекта, данная лишь в классе истинных познавательных актов, обладает обосновывающей силой по отношению к истинной интроспекции, которая в силу самой себя может быть обоснована только как нейтральная. Мы уже во многом дали ответ на это возражение, и в продолжение отметим, что отказываемся отделять интроспекцию от познавательного акта как такового и выделять её в отдельный тип познавательных актов, потому что не видим в этом ни необходимости, ни возможности.

¹² Но являющихся их репрезентацией, согласно репрезентационизму.

¹³ См.: J. McDowell. *Mind and World*. London, 1996; Idem. *Avoiding the Myth of the Given. Having the World in View: Essays on Kant, Hegel, and Sellars*. London, 2009. P. 256–272.

Если предположить, что эта необходимость заключается в том, что интроспекция должна давать доступ к онтологически истинным познавательным актам, то в таком случае мы фактически лишаемся возможности истинного интроспективного обоснования самой этой необходимости, поскольку истинность этих познавательных актов не может быть ей засвидетельствована в последней инстанции, что отрезает ей путь к возможности истинного интроспективного самообоснования. А без неё непонятно, почему мы должны считать обоснованным именно такое понимание интроспекции, тем более полагающее онтологическую истинность объектов, ведь она в таком случае является рядовым познавательным актом, эксклюзивность которого приобретает лишь за счёт предположения, что он якобы является ни истинным, ни ложным. Можно попытаться проигнорировать этот аргумент и допустить, что «нейтрального» самообоснования будет вполне достаточно, ведь оно хорошо объясняет факт отличия убеждения от его истинности. Например, допустим, что какой-то человек узнал из СМИ, что в его дачном посёлке произошёл пожар. Он решил, что его дачный домик сгорел, и позвонил своему соседу по даче, чтобы тот это подтвердил. Однако тот этого не сделал, сказав, что пожар не затронул их имущество. Первому показалось недостаточным такое подтверждение сохранности домика, и поэтому он решил поехать на место сам, где убедился в истинности этого утверждения. Таким образом, человек действовал на основе, во-первых, общей «нейтральной» самообоснованности интроспекции, предполагающей определённый способ её подтверждения, и, во-вторых, интроспективной обоснованности конкретной интроспекции того, что домик сгорел, которая, однако, априори не могла считаться истинной до момента возможного подтверждения истинным познавательным актом в момент восприятия сгоревшего домика.

Мы утверждаем, что такое объяснение поведения этого человека является ложным, поскольку оно не содержит ни малейшего опровержения факта, что он на самом деле действовал на основании кажущейся истинной интроспекции того, что его домик сгорел. Таким образом, прибыв на место, он не подтвердил¹⁴ интроспекцию того, что домик сгорел, а просто её опроверг в качестве мнимо обоснованной. В противном случае он бы туда не поехал. Но как мы можем утверждать то, что интроспекция в этом случае казалась истинной, даже несмотря на то, что её ложность была заранее известна? И где здесь различие убеждения и его истинности? Для ответа на эти вопросы необходимо перейти к рассмотрению п. II.

Объяснение п. II требует от сильного дизъюнктивизма формулировки онтологического утверждения, которое неявно предполагается в п. I и которое он призван защитить. Оно заключается в различении реальности знания и его

¹⁴ Здесь мы противопоставляем «не подтвердил» и «опроверг».

истинности. Само по себе оно не является полноценной онтологией, а утверждением, которое могут разделять несколько онтологий. При этом мы следуем общераспространённому отождествлению истины и существования, но, как бы то ни было, главное для нас — подчеркнуть различие реальности и истинности знания, т. е. то, что реальность знания включает в себя как истину, так и ложь, а не просто истину. В соответствии с этим мы утверждаем, что слабый дизъюнктивизм и не-дизъюнктивизм¹⁵ упускают из виду это различие и основывают свою аргументацию на утверждении онтологического тождества истинности знания и его реальности. Следствием этого упущения является тенденция, которую можно назвать онтологизацией эпистемологии в форме гипостазирования небытия¹⁶, приобретшая в западной философии особенно широкий размах начиная с Декарта.

Действительно, прямыми следствиями этой тенденции являются тезисы о необходимости онтологической истинности познавательного акта и нейтральном характере интроспекции, которые через ряд других онтологических утверждений приводят к тезису об интроспективной неразличимости феноменального характера галлюцинации и истинного восприятия. Как мы уже отмечали, эти допущения образуют порочный круг взаимозависимых тезисов. При этом необходимо отметить, что в современной западной философии тезис о нейтральности интроспекции настолько сливается с тезисом о неотличимости, что требуется специальный анализ, чтобы выявить наличие первого как необходимого условия второго. В этом заключается особая роль картезианской скептической проблемы в западной эпистемологии.

Она сводится к тому, что «злой демон» Декарта и его более современный аналог — учёные, способные поместить и поддерживать наш мозг в колбе, мыслятся как онтологические инстанции, но реальность знания при этом отождествляется с его существованием. Из этих допущений, в сочетании с картезианской метафизикой, следует такая концепция познающего субъекта, в которой ему, с одной стороны, все познавательные акты должны казаться как если бы они были истинными, и с другой — каждый из эмпирических теоретически может оказаться онтологической галлюцинацией, т. е. нереальным, но как будто существующим. Другими словами, так понятая субъективность с необходимостью должна претендовать на истинность знания в смысле её тождества с реальностью. Если оставаться на почве эпистемологического интернализма, из этого парадокса может быть два выхода — слабый дизъюнктивизм и конъюнктивизм. Наиболее радикальный вариант первого, феноменальный дизъюнктивизм, отрицает у галлюцинации

¹⁵ По-видимому, категория «не-дизъюнктивизм» исчерпывается конъюнктивизмом и экстернализмом.

¹⁶ В частности, в форме предположения чувственных данных в случае галлюцинации.

наличие собственного феноменального характера, а второй формулирует онтологию явления вообще. Но даже сторонники первого пути вынуждены утверждать «существующую» нереальность галлюцинации, т. е. её особый статус, пусть даже и без чувственных данных¹⁷. В этом заключается крайне далеко зашедшая тенденция гипостазирования небытия.

Сильный дизъюнктивизм не может согласиться с тезисом о нереальности галлюцинации по двум основным причинам: во-первых, он отличает реальность знания от его истинности и, во-вторых, не видит оснований для выделения галлюцинации в отдельную категорию. Действительно, допущение неотличимости ведёт к утверждению о том, что объект галлюцинации нереален, а познавательной ошибки — нет, и на этом основании делается вывод об особом статусе галлюцинации¹⁸. Причём то, какое именно даётся объяснение галлюцинации — позитивное или негативное, — ничего в этом статусе принципиально не меняет. К этому сводится смысл первого и второго мысленных экспериментов Декарта. Сильный дизъюнктивизм отрицает правомерность подобной аргументации.

Мы здесь, однако, не можем свести всю проблему к инновациям Декарта. Начать следует с того, что характеристика картезианского скептицизма как радикального является недоразумением¹⁹. С нашей точки зрения, только тот скептицизм может быть назван радикальным, который ставит под сомнение кажущуюся истинность познавательного акта как такового и сводится к следующей формулировке: любой познавательный акт как таковой может быть ошибочным. Однако подобное утверждение в западной философии не встречается. В случае Декарта легко обнаружить, что он просто ставит под сомнение один из классов познавательных актов, следуя классическому дуализму умопостигаемого и чувственного. Вопросы о том, почему сомнение в достоверности чувственного опыта могло показаться столь радикальным и не могло быть совершенно предшественниками Декарта, не имеют прямого отношения к оценке возможности радикального скептицизма. Большую роль здесь, несомненно, сыграла эквивокация термина «внешний», поскольку Декарт впервые поставил под сомнение «внешний» мир за счёт несомненности отличного от него «внутреннего», то есть особым образом проинтерпретированной сферы умопостигаемого²⁰. Но видимость радикальности такого рода скептицизма, к тому же, вопреки его создателю, не

¹⁷ Н. Logue. *Disjunctivism*... P. 212.

¹⁸ М. Soteriou. *Disjunctivism*. London, 2016. P. 158.

¹⁹ Н. Ben-Yami. *Descartes' Philosophical Revolution: A Reassessment*. London, 2015. P. 195.

²⁰ В ходе этой интерпретации особую роль сыграло «помещение» чувственных качеств в «нематериальный» интеллект.

являющегося беспредпосылочным, лишь подчёркивает его отказ от подлинной радикальности, поскольку реальность познавательных актов как таковых не зависит от их типологии.

Но если картезианский скептицизм нельзя назвать радикальным, может быть, скептицизм юмовского, конъюнктивистского типа следует назвать таковым? Общий ход рассуждений подобного рода скептицизма сводится к следующему: поскольку феноменальный характер галлюцинации интроспективно неотличим от феноменального характера восприятия, интроспекция не может быть признана в качестве способа обоснования истинного знания о внешнем мире²¹. Только последняя часть этой формулировки («о внешнем мире») позволяет ответить на поставленный вопрос отрицательно и спасает конъюнктивизм от полного абсурда, поскольку это понятие здесь остаётся картезианским. Таким образом, конъюнктивисты — это не радикальные скептики, а интроспективные фаллибилисты на грани иррационализма, который явно замечен уже у Юма и впоследствии справедливо выявлен Шопенгауэром, Гартманом и др. Поэтому, как бы ни были велики различия между юмовским и картезианским скептицизмом²², отказ от различения реальности знания и его истинности вкупе с тезисом о нейтральности интроспекции логично ведут к такому пониманию, в котором интеллигибельные объекты «заслоняют» эмпирические. По большому счёту, всё это можно обнаружить уже у Платона — Декарт сюда привносит отождествление тезиса о нейтральности интроспекции с тезисом о неотличимости.

Определённую остроту картезианский скептицизм приобретает только в сочетании с этими более общими факторами — отказом от различения реальности знания и его истинности, классическим дуализмом умопостигаемого и чувственного и, собственно, слабым дизъюнктивизмом. Можно сказать, что слабый дизъюнктивизм таит в себе скептическую проблему только в случае если придерживается этого классического дуализма. Если прибавить к этим трём факторам новейшую «проблему Гетье», то мы получим достаточно полный контекст проблематики дизъюнктивизма. Если бы слабый дизъюнктивизм ограничивался лишь отказом от различения реальности и истинности знания и отошёл бы при этом от дуализма умопостигаемого и чувственного²³, то он мог бы сохранить своё позитивное содержание и не был

²¹ F. Pereira Gandarillas. Sense-data... P. 81.

²² M. G. F. Martin. The Reality of Appearances. Disjunctivism: Contemporary Readings, ed. by Alex Byrne and Heather Logue. Cambridge, 2009. P. 110.

²³ Можно было бы поставить вопрос более узко — лишь об отказе от тезиса о неотличимости. Но возможность такой постановки вопроса зависит от степени взаимозависимости этого тезиса и дуализма умопостигаемого и чувственного, которая, по-видимому, достаточно сильна.

бы так искусственно зависим в своих формулировках от тезиса о неотличимости и «проблемы Гетье». Чтобы не затягивать дискуссию, перейдём к рассмотрению последней.

Т. н. проблема Гетье, сформулированная в 1963 году американским философом Э. Гетье в трёхстраничной статье «Является ли обоснованное истинное убеждение знанием?»²⁴, является одновременно очередным этапом мнимой радикализации скептицизма и его закономерного разложения вместе с конъюнктивизмом. Выраженная в практических терминах, она сводится к следующему вопросу: можно ли узнать время по сломанным часам, «показывающим» 15:00, в 15:00, не зная, что они сломаны²⁵. Сильный дизъюнктивизм отвечает на этот вопрос однозначно положительно и не видит в нём проблемы. То же самое, на наш взгляд, способен сделать и слабый дизъюнктивизм. Поэтому отношение к этой псевдопроблеме может служить надёжным критерием различения дизъюнктивистов и не-дизъюнктивистов. Гетьеризм²⁶ усматривает проблему в любом ответе на этот вопрос, потому что положительный ответ якобы приводит к возможности получения случайного знания, что находится в противоречии с его характером в качестве «обоснованного истинного убеждения»²⁷, а отрицательный невозможен, поскольку в рассматриваемой ситуации мы всё же располагаем обоснованным истинным убеждением. Здесь молчаливо принимается то, что знание является именно обоснованным истинным убеждением, а сам Э. Гетье распространял это понимание знания на Платона. Его последователи распространили это понимание на Декарта, Канта и др. Как показали новейшие исследования, строгая формулировка этой концепции лишь на 11 лет предшествует публикации рассматриваемой статьи²⁸, но, как бы то ни было, мы считаем обоснованным ассоциировать её с конъюнктивизмом, т. е. лишь с Кантом, если иметь в виду приведённый список философов. В этом смысле «проблема Гетье» представляет собой мотивацию перехода от конъюнктивизма к экстернализму. Однако поскольку это «классическое» понимание знания приобрело всеобщее признание, мы не можем его проигнорировать и считаем возможным распространить его и на слабый дизъюнктивизм, но только при условии выделения двух типов обоснованного истинного убеждения — дизъюнктивистского и конъюнктивистского.

²⁴ E. Gettier. Is Justified True Belief Knowledge? *Analysis*, Vol. 23, № 6, June 1963. P. 121–123.

²⁵ D. Pritchard. *What Is This Thing Called Knowledge?* New-York, 2006. P. 25–26.

²⁶ Гетьеризмом мы называем философскую тенденцию воспринимать «проблему Гетье» всерьёз. См.: S. Hetherington. *Knowledge and the Gettier Problem*. Cambridge, 2016. P. 4.

²⁷ Этой формулировкой мы переводим англоязычное выражение «justified true belief».

²⁸ J. Dutant. The Legend of the Justified True Belief Analysis. *Philosophical Perspectives*, 29, Epistemology, 2015. P. 115.

В любом случае сильный дизъюнктивизм и экстернализм не могут придерживаться этой концепции знания. И если второй может согласиться с определением знания как истинного убеждения, то первый мог бы остановиться на следующем его определении — обоснованное убеждение²⁹. Так, одно из самых радикальных утверждений экстернализма по этому поводу можно сформулировать следующим образом: поскольку истинно то, что я в данный момент пишу эти строки, я с необходимостью убеждён в этом. Другими словами, если бы я не писал эти строки, то не был бы в этом убеждён³⁰. Вследствие своей концепции знания экстернализм претендует на то, чтобы дать элегантный ответ на скептическую проблему, или даже на то, чтобы быть единственно возможным способом её решения³¹, разделяя при этом тезис о неотличимости³². Сильный дизъюнктивизм мог бы переформулировать это утверждение следующим образом: если бы я не был с необходимостью обоснованно убеждён, что в данный момент пишу эти строки, то не мог бы утверждать истинность того факта, что пишу эти строки. Но любые определения знания и сравнения формулировок будут бесполезными, пока мы не обратим внимание на различное понимание истины, которое они предполагают.

Действительно, если эквивокацию термина «знание» в разных определениях выявить сравнительно легко, то вторую эквивокацию, термина «истина», выявить гораздо сложнее. Однако если этого не сделать, вся взаимная критика будет обречена на то, чтобы бить мимо цели, особенно если иметь в виду не абстрактную концепцию истины, а сам атрибут истинности. Начать следует с того, что даже если отличать реальность знания от его истинности, эти две характеристики знания всё равно остаются взаимозависимыми, поэтому тот, кто утверждает, и тот, кто отрицает это различие, не могут понимать под истиной строго одно и то же. В настоящем очерке мы не претендуем на то, чтобы дать точное определение истины как атрибута, поскольку оно может варьироваться в пределах сильного дизъюнктивизма, но по крайней мере ставим своей целью защитить реалистическое понимание истины, противопоставив его каузальному пониманию. В качестве отправной точки целесообразно избрать анализ роли инфалибилизма в каждой из рассматриваемых эпистемологических теорий.

²⁹ Здесь нужно принимать во внимание то, что экстернализм использует оба этих определения, но второе понимает в смысле первого. Поскольку мы подчёркиваем различные смыслы этих определений, то заинтересованы в их строгом разграничении.

³⁰ B. C. Johnsen. Nozick on Scepticism. *Philosophia*, Vol. 16, Issue 1, April 1986. P. 67.

³¹ См., напр.: M. Bergmann. Externalist Responses to Skepticism. *Oxford Handbook of Skepticism*, ed. by J. Greco. Oxford, 2008. P. 504–538.

³² K. Farkas. What is Externalism. *Philosophical Studies*, Vol. 112, Issue 3, February 2003. P. 203.

Бандурин М. А. Сильный и слабый дизъюнктивизм: краткий
сравнительный очерк

В общем виде инфаллибилизмом считается эпистемологическое воззрение, согласно которому чьё-либо убеждение может считаться истинным только в том случае, если его основания гарантируют эту истинность³³. Инфаллибилизму противопоставляется фаллибилизм, согласно которому чьё-либо убеждение может считаться истинным даже в том случае, если его основания её не гарантируют³⁴. Оба этих определения отождествляют реальность знания с его истинностью; кроме того, считается, что инфаллибилизм ведёт к скептицизму, поскольку предположительно является заведомо невыполнимым требованием. Однако ввиду того, что мы, с одной стороны, различаем реальность знания и его истинность, а с другой — как интерналисты отличаем убеждение от его истинности³⁵, то считаем необходимым выделить как минимум три типа инфаллибилизма и соответствующих им типа фаллибилизма: инфаллибилизм знания, инфаллибилизм обоснования убеждения и инфаллибилизм истины. Совокупность всех трёх типов инфаллибилизма или фаллибилизма в рамках одной теории, по-видимому, ещё не встречалась, но в любом случае не может претендовать на рациональность. Рассматриваемые нами эпистемологические теории предусматривают различные сочетания инфаллибилизма и фаллибилизма. Схематизируем эти различия в следующей таблице.

	Сильный дизъюнктивизм	Слабый дизъюнктивизм	Конъюнктивизм	Экстернализм
Знание	Инфаллибилизм	Фаллибилизм	Инфаллибилизм	Фаллибилизм? ³⁶

³³ J. Brown. *Fallibilism: Evidence and Knowledge*. Oxford, 2018. P. 2.

³⁴ Фаллибилизм не следует путать с фальсификационизмом, потому что последний основан лишь на одном из типов фаллибилизма и не касается вопроса об истине.

³⁵ С оговоркой, которая будет сформулирована ниже.

³⁶ Знак вопроса здесь стоит по причине того, что сами экстерналисты делают прямо противоположные утверждения по этому поводу. Так, М. Уильямс приходит к выводу, что «все мы сегодня являемся фаллибилистами» (M. Williams. *Contextualism, Externalism and Epistemic Standards*. *Philosophical Studies*, Vol. 103, № 1, March 2001. P. 5). Ж. Дютан, напротив, утверждает, что «все мы теперь инфаллибилисты», имея в виду, что те экстерналисты, которые утверждают, что они фаллибилисты, на самом деле являются инфаллибилистами (J. Dutant. *The Legend of the Justified True Belief Analysis*. *Philosophical Perspectives*, 29, Epistemology, 2015. P. 119). Первая позиция более распространена, но для нас этот вопрос является второстепенным. Как бы то ни было, аспект фаллибилизма или инфаллибилизма знания и истины для них совпадает, а вопрос об обосновании убеждения является нерелевантным.

Обоснование убеждения ³⁷	Инфаллибилизм	Инфаллибилизм	Фаллибилизм	Нерелевантно ³⁸
Истина	Фаллибилизм	Фаллибилизм	Инфаллибилизм	Фаллибилизм?

Таблица 1. Основные эпистемологические теории и соответствующие им типы инфаллибилизма и фаллибилизма

Основываясь на этой типологии, можно сформулировать то, против чего выступает сильный дизъюнктивизм в дискуссии о сущности истины: против каузального понимания истины. Если дать описательную характеристику этого понимания, можно сказать, что оно состоит либо в противопоставлении знания и обоснования убеждения в аспекте фаллибилизма, либо, в самом экстремальном случае, в полном игнорировании необходимости обоснования убеждения. Другими словами, можно сказать, что сильный дизъюнктивизм выступает против экстернализма, но не просто «чистого», абстрагированного экстернализма, а экстернализма как эквивалента каузальной эпистемологии. В этом смысле он присущ всем эпистемологическим теориям, кроме сильного дизъюнктивизма, и последний даже больше заинтересован в критике «экстернализма в интернализме», нежели «чистого» экстернализма. Что касается последнего, то в отношении его правомерности имеются серьёзные сомнения, поскольку он напоминает незаконнорождённую абстракцию экстернализма, который всегда присутствовал в слабом дизъюнктивизме и конъюнктивизме, на основе всерьёз воспринятой «проблемы Гетье».

Чтобы прояснить основные нюансы рассматриваемого вопроса, вернёмся к нашему практическому примеру с дачником. Мы уже начали критиковать объяснение, которое дал бы слабый дизъюнктивизм поведению этого человека, но закрыли глаза на одну особенность — мы имеем здесь дело со случаем ошибочного действия. Действительно, это так, потому что дачник фактически совершает не то действие, которое, как ему кажется, он совершает — едет к несгоревшему домику, а не к сгоревшему. Конечно, эти действия имеют много общего, например, сам путь, но легко представить, например, дополнительные издержки, которые понёс этот человек в ходе совершения этого конкретного ошибочного действия — был вынужден отложить важные дела, понёс

³⁷ Здесь имеется в виду интроспективное обоснование убеждения, хотя для нас эта формулировка является плеоназмом.

³⁸ Отказ от необходимости (интроспективного) обоснования убеждения как раз составляет сущность экстернализма и является причиной того, что его обвиняют в игнорировании различия между убеждением и его истинностью. Поэтому мы не выделяем особого типа обоснования убеждения для экстернализма.

финансовые потери и т. д. Теперь, если в дело вступает слабый дизъюнктивизм, можно ожидать, что он применит метод различения «плохого» и «хорошего» случаев³⁹, который является его «визитной карточкой»⁴⁰. На первый взгляд может показаться, что мы имеем здесь дело с «плохим» случаем просто потому, что действие ошибочное. Условно допустим, что это так. Однако слабый дизъюнктивизм вкладывает в понятия «хорошего» и «плохого» случаев очень изощрённый теоретический смысл, который сводится к тому, что это различие является короллариумом тезиса об интроспективной неотличимости галлюцинации от истинного восприятия⁴¹. По этой причине этот метод оставляет крайне странное впечатление: с одной стороны, утверждается принципиальная неспособность интроспекции отличать эти случаи, с другой — утверждается необходимость этого различения, поскольку иным способом истинную интроспекцию не обосновать. Отсюда может следовать только одно: оно совершается экстерналистским способом или, если использовать нашу формулировку, на основе каузального понимания истины. Условно допустим, что рассматриваемое нами ошибочное действие можно охарактеризовать как ошибочное на основе каузального понимания истины в качестве «плохого» случая.

Итак, поскольку случай «плохой», а субъект с необходимостью не в состоянии интроспективно отличить «хороший» случай от «плохого», он не может иметь знания в момент совершения ошибочного действия. Чтобы блокировать конъюнктивистские выводы из сложившейся ситуации, слабый дизъюнктивизм постулирует инфалибилизм обоснования убеждения⁴², который, однако, отличен от фаллибилизма знания, поскольку знание в его понимании может быть только истинным, а инфалибилизм истины справедливо оценивается как эпистемологическая самонадеянность⁴³. Таким образом, наш дачник совершает ошибочное действие на основании

³⁹ Имеется в виду метод, который в англоязычной литературе обозначается как *distinction between «good» and «bad» cases*. Кавычки здесь применяются для подчёркивания технического характера используемых терминов. См., напр.: D. Pritchard. *Epistemological Disjunctivism*. Oxford, 2012.

⁴⁰ Хотя, конечно, выделение этих случаев само по себе не является дизъюнктивизмом.

⁴¹ D. Bar-On, D. Johnson. *Epistemological Disjunctivism: Perception, Expression, and Self-Knowledge*. *New Issues in Epistemological Disjunctivism*, ed. by C. Doyle, J. Milburn and D. Pritchard. London, 2019. P. 320.

⁴² J. McDowell. *The Disjunctive Conception of Experience as Material for Transcendental Argument*. *Disjunctivism: Perception, Action, Knowledge*, ed. by A. Haddock and Fiona Macpherson. Oxford, 2008. P. 384.

⁴³ M. G. F. Martin. *The Limits of Self-Awareness*. *Disjunctivism: Contemporary Readings*, ed. by Alex Byrne and Heather Logue. Cambridge, 2009. P. 280; *The Oxford Companion to Consciousness*, ed. by T. Bayne, A. Cleeremans, P. Wilken. Oxford, 2009. P. 504.

инфаллибилистского обоснования убеждения, которое с необходимостью обеспечивает обоснованную кажимость истины даже в условиях «плохого» случая. В литературе это называют асимметрией в пользу «хорошего» случая⁴⁴. Однако ввиду того, что обоснование убеждения подразумевается отличным от самого знания в аспекте фаллибилизма, подобное объяснение предполагает тезис о нейтральности интроспекции. Несомненным его плюсом является способность подчеркнуть отличие убеждения от его истинности, столь необходимое для интернализма.

Мы считаем это объяснение ошибочного действия ошибочным. Общая причина заключается в самом каузальном понимании истины, которое оно предполагает. Так, и ложный характер «плохого» случая, и истинный характер «хорошего» здесь мыслятся в каузальных терминах. Это само по себе составляет для слабого дизъюнктивизма проблему, потому что каузальное понимание истины предполагает некую верификацию знания, что входит в определённый конфликт с постулируемым инфаллибилизмом обоснования убеждения⁴⁵. Но главная проблема состоит даже не в этом, а в том, что слабый дизъюнктивизм может интерпретировать ошибочность действия лишь в том смысле, что оно оказалось ошибочным для субъекта, тем более если содержание «плохого» случая сводится к неотличимости. Другими словами, он допускает неправомерную персонализацию опровержения убеждения⁴⁶. Действительно, если вопрос об истинности и ложности знания встаёт лишь ситуативно, а не вследствие осознания самой его природы, опровержение убеждения становится лишь коррелятом его неподтверждения по каузальному принципу, которое с необходимостью зависит от осознания этого факта конкретным субъектом⁴⁷. Поэтому рассматриваемый нами пример для слабого дизъюнктивизма может быть лишь абстрактным случаем того, что определённый человек уже осознал ложность своего действия, пусть даже и заведомую. Таким образом, слабый дизъюнктивизм представляет собой эпистемологию свершившегося факта, которая делает первый шаг к релятивизму и лишь несущественно отличается в этом отношении от своих оппонентов. В силу приведённых аргументов мы считаем необоснованными претензии этой теории на защиту реалистического

⁴⁴ М. Soteriou. Disjunctivism... P. 120.

⁴⁵ По этой причине слабый дизъюнктивизм обвиняют в неспособности позитивно объяснить содержание «плохого» случая.

⁴⁶ Которая лишь маскируется концепцией имперсональной неразличимости, отстаиваемой феноменальным дизъюнктивизмом.

⁴⁷ Эту интерпретацию можно свести к следующему принципу: пока субъект не подтвердил определённое убеждение, его нельзя считать опровергнутым.

понимания истины, которое в её случае может быть названо лишь квазиреалистическим⁴⁸.

Для сильного дизъюнктивизма рассматриваемый пример является конкретным случаем заведомо ошибочного действия, характер которого не зависит от осознания этого факта его исполнителем. Поэтому мы не можем охарактеризовать этот случай как «плохой» в том смысле, что субъект не подтвердил убеждение, которое казалось ему «обоснованным»⁴⁹ на первый взгляд, т. е. что его домик сгорел. Если попытаться адаптировать терминологию «плохого» и «хорошего» случаев к тому, что мы имеем в виду, можно сказать, что, несмотря на то, что случай действительно «плохой», субъект здесь скорее, наоборот, подтвердил убеждение в том, что его домик сгорел, но не по каузальному принципу, а мнимо обосновал в соответствии с п. I сильного дизъюнктивизма⁵⁰. В первой части настоящего очерка мы охарактеризовали эту интроспекцию как кажущуюся истинной и теперь можем уточнить, что имели в виду в первую очередь инфаллибилизм знания, а не просто инфаллибилизм обоснования убеждения, поскольку обоснованность убеждения здесь мнимая, но полностью реальная. Если строго развести эти типы инфаллибилизма и постулировать лишь последний, становится трудно понять, как можно согласовать каузальное понимание истины с предварительной интроспективной обоснованностью, но не подтверждённой, определённого убеждения, особенно в «плохом» случае. Видимо, ответ будет заключаться в том, что каузального подтверждения требуют только те убеждения, которые имеют элемент сомнения, тем более если это эмпирические убеждения. Действительно, зачем нужно было бы дачнику совершать поездку, если бы он заранее знал, что его домик не сгорел или даже сгорел?

Справедливости ради следует отметить, что утверждение о том, что он поехал туда просто на основании обоснованного убеждения, что его домик сгорел, было бы упрощением. Скорее здесь следовало бы допустить более сложный комплекс убеждений или, действительно, элемент сомнения. Однако

⁴⁸ Эта претензия отчасти основана на определённом консенсусе, согласно которому для защиты реалистического понимания истины достаточно перехода к фаллибилизму истины. Мы считаем это условие недостаточным. См., напр.: D. Pritchard. *What Is This Thing Called Knowledge?* New-York, 2006. P. 154.

⁴⁹ Кавычки выражают проблематичность того, что мы якобы не можем прямо так сказать, а лишь, в лучшем случае, «казалось ему обоснованным, но не было таковым вследствие неподтверждения». В чём состоял объективный компонент этой «обоснованности», претендовавшей на неопровержимость, представляет собой основной вопрос к слабому дизъюнктивизму.

⁵⁰ Поэтому термин «подтверждение» здесь звучит довольно двусмысленно. Применительно к непосредственному получению нового знания, мы можем понимать его только как синоним обоснования.

мы утверждаем, что даже если допустить здесь элемент сомнения, т. е. наличия предположительно равнообоснованных альтернатив, и даже если охарактеризовать сомнение как ложное знание, следует говорить о том, что этот человек действовал на основании позитивного знания. Но как интроспекция может быть реально обоснована, будучи при этом заведомо ложной? В ответ на этот вопрос мы не устанем повторять: в соответствии с реалистическим пониманием истины как независимой от обоснованности убеждения⁵¹. Но ведь если интроспекция заведомо ложная, могут нам возразить, это предполагает решающее влияние субъективного фактора. Конечно, ответим мы, но только в качестве следствия опровергнутости её объективного компонента, а не в том смысле, что она необоснованно претендовала на тождественную реальности знания истинность. По этой же причине осознание этой опровергнутости самим субъектом здесь является второстепенным. Конечно, для рассматриваемого примера трудно это допустить, но если вдруг нашему субъекту не суждено будет понять, что его домик не сгорел, это не поменяет ровным счётом ничего с точки зрения истинного положения дел. Таким образом, п. II сильного дизъюнктивизма является выражением реалистического понимания истины, которое предполагает п. I.

Из вышеизложенного следует, что сильный дизъюнктивизм различает онтологический статус «плохого» случая и момент его осознания. Другими словами, он подчёркивает независимость вопроса об обосновании убеждения от причинного объяснения, смешение между которыми характерно для каузальной эпистемологии. Но как он тогда объясняет различие убеждения и его истинности? Путём редукции этого вопроса к вопросу о различии обоснованности убеждения и его истинности. Эта редукция правомерна именно в контексте защиты реалистического понимания истины. Если нам возразят, что она невозможна, поскольку убеждение может казаться истинным, не будучи обоснованным, мы ответим: убеждение может казаться истинным только в том случае, если кажется обоснованным. Классические интерналисты и экстерналисты не в состоянии опровергнуть это утверждение. Однако первые абсурдным образом требуют дублирования уже произошедшего обоснования убеждения, а вторые ещё более абсурдным образом делают вид, что убеждение может быть истинным без обоснования, и что этого вполне достаточно.

Но о каком различии между обоснованностью убеждения и его истинностью может идти речь, если убеждение с необходимостью обоснованно и, следовательно, обоснованно кажется истинным? Ответ заключается в том, что субъективный компонент обоснованности убеждения может абстрактно рассматриваться лишь в аспекте реальности знания, охватывающей не только

⁵¹ Или, можно сказать, независимой от чьего-либо познания.

истинность, но как истинность, так и кажущуюся истиной ложность⁵². Поэтому это различие реально всегда. Но речь об истинности субъективного компонента обоснованности убеждения может идти лишь постольку, поскольку она является атрибутом объекта, а не убеждения, и только в «хорошем» случае. С учётом различения инфалибилизма знания и фаллибилизма истины, которое, как мы утверждаем, является необходимым условием реалистического понимания последней, знание с необходимостью является обоснованной кажимостью истины, и его реальность в качестве таковой не может быть опровергнута. Но поскольку она всё же не существует в «плохом» случае даже в качестве кажимости, а в «хорошем» является атрибутом существующего объекта⁵³, различие между обоснованностью убеждения и его истинностью может быть выявлено как существующее только в «плохом» случае в силу несуществования объекта. В «хорошем» случае различия между обоснованностью убеждения и его истинностью не существует⁵⁴. Таким образом, сильный дизъюнктивизм не онтологизирует это различие, а требование его существования даже в «хорошем» случае расценивает как отказ от реалистического понимания истины, который лишь маскируется апелляцией к необходимости нормативного характера обоснования убеждения⁵⁵. Попытка при этом растождествить убеждение и его обоснованность лишь подчеркнёт этот отказ, ведущий к конъюнктивизму и экстернализму.

При этом следует обратить особое внимание на отличие сильного дизъюнктивизма от экстернализма, поскольку в этом отношении между ними имеется обманчивое частичное сходство. Первый, хотя и отрицает, в отличие от других форм интернализма, существование различия между обоснованностью убеждения и его истинностью в «хорошем» случае, имеет при этом в виду именно интроспективное обоснование. Экстернализм отказывается от этого

⁵² Поэтому, с нашей точки зрения, ложность и кажущаяся истиной ложность — это одно и то же.

⁵³ Это не значит, что истина не требует обоснования, чтобы быть познанной, а лишь то, что она от него не зависит в качестве атрибута существующего объекта, а не убеждения.

⁵⁴ Другими словами, в «хорошем» случае тождество между обоснованностью убеждения и его истинностью обеспечивается непосредственно, в силу реальности познавательного акта, и кажущаяся обоснованность убеждения, претендующая на утверждение атрибута истинности объекта, действительно является обоснованной. В «плохом» случае та же самая по природе кажущаяся обоснованность убеждения является лишь мнимой. И, можно сказать, являющейся атрибутом убеждения, а не объекта. Поэтому в истине сильный дизъюнктивизм интересуется не обоснованностью убеждённости в ней, а фактическое содержание.

⁵⁵ См., напр.: M. Lammeranta. Theories of Justification. Handbook of Epistemology, ed. by I. Niiniluoto, M. Sintonen, J. Wolenski. Dordrecht, 2004. P. 469–471.

различения во всех случаях за счёт отрицания интроспективного способа обоснования убеждения. Но не ведёт ли это к тому, что истинность убеждения не может быть гарантирована даже в «хорошем» случае, несмотря на свою необходимо обоснованную и непроверяемую кажимость? Следует признать, что это действительно так, но с рядом серьёзных оговорок. Так, любая форма фаллибилизма утверждает, что, несмотря на абстрактное отсутствие гарантий истины, незнание того, находимся ли мы в «плохом» случае⁵⁶, никак не затрагивает обоснованность убеждения⁵⁷. В нашем случае фаллибилизм является очень мягким, поскольку мы утверждаем, что не можем этого знать с необходимостью вследствие того, что с необходимостью можем быть обоснованно убеждены только в обратном. С учётом того, что сильный дизъюнктивизм не может накладывать никаких ограничений на принцип эпистемологической замкнутости⁵⁸, кроме общего различения реальности знания и его истинности, это незнание будет свидетельствовать об обоснованности утверждения⁵⁹, что мы не находимся в «плохом» случае⁶⁰. Поэтому сильный дизъюнктивизм отрицает правомерность методологического сомнения в философии, которое пытается подменить собой реальное сомнение. Кроме того, фаллибилизм истины смягчается тем обстоятельством, что с точки зрения сильного дизъюнктивизма, истинность убеждений типа « $2 + 2 = 4$ » и любых эмпирических убеждений «не гарантирована» в равной степени. Этого не может предложить никакая другая эпистемологическая теория, в том числе постулирующая инфаллибилизм истины.

Здесь нас могут упрекнуть в следующем. Поскольку «плохой» случай не может быть выявлен интроспективно, а онтологического различия между «хорошим» случаем и его кажимостью нет, то истина будет сведена к кажимости. Это ведёт к своего рода идеализму, который напоминает концепцию явления вообще, поскольку здесь предполагается некий общий элемент истины между истиной и ложью, который существует в ложной

⁵⁶ Хотя экстерналисты могут утверждать, что можно иметь неинтроспективное знание «плохого» случая, формулируя своего рода псевдодизъюнктивизм. См.: M. Engel, Jr. Personal and Doxastic Justification in Epistemology. *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*, Vol. 67, № 2, August 1992. P. 133–150.

⁵⁷ S. Cohen. Justification and Truth. *Philosophical Studies*, Vol. 46, Issue 3, November 1984. P. 281.

⁵⁸ Этот принцип, который в англоязычной литературе обозначается как Closure Principle, формулируется следующим образом: знание определённого утверждения предполагает знание ложности противоположного ему утверждения. См.: Y. Avnur. Closure Reconsidered. *Philosopher's Imprint*, Vol. 12, № 9, April 2012.

⁵⁹ Мы, однако, не утверждаем, что убеждение в каком бы то ни было случае обосновывается в силу своей непровергнутости.

⁶⁰ Конечно, это не избавляет от необходимости рассмотрения позитивных, практических возможностей опровержения того или иного убеждения.

интроспекции. Кроме того, получается, что этот элемент истины в ложной интроспекции может быть вопреки этому понят только как нереальный. Эта критика, в дополнение к ошибочному приписыванию сильному дизъюнктивизму каузального понимания истины, упустила бы из виду, что он является, собственно, дизъюнктивизмом. На самом деле сильный дизъюнктивизм, утверждая отсутствие различия между «хорошим» случаем и его кажимостью, не допускает того, что истинный элемент существует в ложном знании. Действительно, знание предполагает обоснованную кажимость истины, но она является существующей только в «хорошем» случае. В «плохом» случае она, будучи полностью реальной и неопровержимой в аспекте реальности, всего лишь мнима⁶¹. Поэтому, хотя сильный дизъюнктивизм и допускает общий элемент между двумя случаями⁶² — знание в форме реальной, необходимой и неопровержимо обоснованной кажимости истины, — он является наиболее строгой формой дизъюнктивизма, поскольку в силу самой реальности знания предполагает лишь два статуса убеждения в любой ситуации: истинное и обоснованное в «хорошем» случае и ложное и необоснованное в «плохом». Слабый дизъюнктивизм вместо этого делает вид, что между двумя случаями нет вообще ничего общего, но, поскольку это идёт вразрез со здравым смыслом, вынужден постулировать некую промежуточную форму интроспекции⁶³ и пытаться объяснить «существование» нереального ложного элемента в ней. Что касается «идеализма», то, несмотря на то, что сильный дизъюнктивизм допускает субъективную обоснованность в обоих случаях, он относит атрибут истинности к объекту, а не к убеждению. Поэтому в «хорошем» случае знание является и субъективно обоснованным, и объективно истинным, но в необходимой соотнесённости с истинностью объекта⁶⁴, что не вписывается в рамки строго понятого идеализма.

Основное положение сильного дизъюнктивизма по поводу различения «хорошего» и «плохого» случаев можно сформулировать следующим образом: «хороший» случай может быть отличён от «плохого» только интроспективно, несмотря на то, что последний не может быть чисто интроспективно выявлен, поскольку вследствие реальности знания в обоих случаях с необходимостью интроспективно кажется «хорошим» до момента возможного опровержения этой мнимой кажимости. Таким образом, сильный дизъюнктивизм, в отличие от других теорий, утверждает исключительно интроспективную различимость

⁶¹ Можно сказать, неопровержима в аспекте кажимости обоснованности убеждения, но опровергнута в аспекте истинности объекта.

⁶² Согласно Таблице 1 сильный дизъюнктивизм и конъюнктивизм разделяют тезис об инфаллибилизме знания.

⁶³ Или, другими словами, что существует истинное, но необоснованное убеждение.

⁶⁴ Сильный дизъюнктивизм отличает истинность объекта от самого объекта в смысле несводимости знания к объектам.

«хорошего» случая исходя из её гарантированной рациональной обоснованности⁶⁵. В силу этого он считает непоследовательным подход других типов интернализма, «различающих» эти случаи, несмотря на отрицание интроспективной различимости «хорошего» случая. Такой подход, несомненно, провоцирует экстернализм. Однако здесь необходимо обратить особое внимание на два момента: во-первых, сильный дизъюнктивизм не является эпистемологией доступа в том смысле, что якобы предполагает в «хорошем» случае наличие связующего звена между рефлексивно доступными и эмпирическими убеждениями, обеспечивающего интроспективный доступ ко внешнему миру⁶⁶, и, во-вторых, он не отстаивает тезис о том, что истинность объекта в «хорошем» случае обеспечивается в силу её неопровергнутости.

Но если мы с необходимостью не в состоянии сразу определить, что находимся в «плохом» случае, когда это действительно так, не значит ли это, что рациональное основание убеждений в обоих случаях следует считать одинаковым по силе?⁶⁷ Для ответа на этот вопрос нужно иметь в виду, что сильный дизъюнктивизм не характеризует «плохой» случай как неотличимый от «хорошего». Поэтому отрицательный ответ автоматически следует уже из этого обстоятельства. Слабый дизъюнктивизм испытывает большие трудности, пытаясь дать аналогичный ответ, именно потому, что считает оба случая неразличимыми⁶⁸. Но на самом деле сильный дизъюнктивизм утверждает, что вопрос о силе рационального основания убеждений в обоих случаях даже не может быть поставлен, потому что в «хорошем» случае это основание существует, а в «плохом» — нет. Поэтому он отрицает правомерность рафинированного «эпистемологического дизъюнктивизма». Единственное, что стоит отметить по этому поводу — сильный дизъюнктивизм может согласиться с конъюнктивизмом в утверждении равносильности рационального основания убеждений в обоих случаях, но только в аспекте реальности знания, а не тождественной реальности истинности. Более того, если допустить, что конъюнктивизм в этом случае говорит просто об обосновании убеждения, следует признать, что позитивное содержание этой теории, вопреки ей, не

⁶⁵ Строго говоря, «исключительно интроспективная» и просто «интроспективная» различимость «хорошего» случая — это одно и то же. Мы лишь подчёркиваем бессмысленность полагания «хорошего» случая экстерналистским способом.

⁶⁶ См.: T. Kraft. Epistemological Disjunctivism's Genuine Access Problem. *Theoria*, Vol. 81, Issue 4, December 2015. P. 323.

⁶⁷ Это т. н. проблема «нового злого демона». См., напр.: R. Neta, D. Pritchard. McDowell and the New Evil Genius. *Philosophy and Phenomenological Research*, Vol. 74, Issue 2, March 2007. P. 381–396.

⁶⁸ Т. е. что «плохой» случай является таковым именно вследствие своей неотличимости от «хорошего». См.: D. Smithies. Review of Duncan Pritchard, *Epistemological Disjunctivism*. *Notre Dame Philosophical Reviews*, January 2013. URL: <https://inndpr.nd.edu/news/epistemological-disjunctivism/>

может быть основано на этом утверждении. Если источник обоснования и истины, и ошибки един и заключается в самом знании, а истина понимается в качестве атрибута объекта, то сущностная неспособность знания автоматически распознавать «плохой» случай может проистекать только из его необходимой способности полностью гарантировать обоснованность отличимости «хорошего» случая, а не наоборот.

Из тезиса об интроспективной отличимости «хорошего» случая следует, что в его условиях мы можем иметь знание эмпирических фактов, полученное чисто интроспективным способом. Это обстоятельство способно напугать классических интерналистов, поскольку они разделяют традиционное допущение случайного характера эмпирической истины, которое противопоставляется необходимому характеру интроспективной⁶⁹. Мы не можем подробно проанализировать этот вопрос в настоящем очерке ввиду не только крайней обширности этой темы, но и общего нежелания сторонников этого допущения видеть в нём проблему и, следовательно, пытаться серьёзно его обосновать. Ограничимся лишь утверждением, что допущение случайной истины является настоящим проклятием западной философии, которое может иметь значимость только в контексте каузальной эпистемологии. Её, однако, трудно переоценить, потому что это допущение подпитывает, в числе всего прочего, скептицизм, экзистенциализм, и, главное для нас, то, что мы назвали «экстернализмом в интернализме». Действительно, мы указывали на претензии слабого дизъюнктивизма различать «плохой» и «хороший» случаи экстерналистским способом, которые невозможно обосновать без опоры на допущение случайной эмпирической истины. В свою очередь, примеры, связанные с «проблемой Гетье», просто поражают своей легкомысленностью в вопросе полагания истинности любого эмпирического убеждения и создают впечатление, что вся истинность эмпирической сферы сводится к её случайности.

Чтобы дополнительно прояснить ситуацию, сравним наши утверждения с теорией одного из классиков реалистической концепции истины У. Олстона⁷⁰. Это сравнение, с одной стороны, подчеркнёт дополнительные различия сильного дизъюнктивизма и экстернализма, а с другой — выявит то обстоятельство, что полноценную защиту реалистического понимания истины без опоры на дизъюнктивизм следует признать невозможным. Так, У. Олстон претендовал на обоснование лишь общей концепции реалистического понимания истины при допущении о её природе, характерном для тезиса

⁶⁹ D. Pritchard. *Epistemological Disjunctivism*. Oxford, 2012. P. 46.

⁷⁰ См.: W. Alston. *A Realist Conception of Truth*. New-York, 1996.

о знании как обоснованном истинном убеждении⁷¹. Можно сказать, он странным образом пытался примирить несочетаемое: каузальный характер истины с тезисом о её независимости от обоснованности убеждения. Поэтому в его интерпретации реалистическое и каузальное понимание истины выглядят так, как если бы они были равноправными. Мы утверждаем, что это не может быть случайным уже потому, что У. Олстон не опирался на дизъюнктивизм, а был, по большому счёту, экстерналистом. При этом он так же, как многие дизъюнктивисты, ссылаясь на «теорию кажимости»⁷². В частности, он утверждает, что «то, что кажется в определённом опыте, является именно тем, о чём этот опыт генерирует убеждения»⁷³, подразумевая при этом, что нельзя «прямо воспринимать нечто несуществующее»⁷⁴. Поскольку это утверждение предполагает строгое различие между убеждением и знанием⁷⁵, оно сводится к тому, что убеждение может быть истинным без обоснования, потому что генерируется кажущимися истинными объектами. Здесь У. Олстон расходится с классическим интернализмом, который, напротив, утверждает, что кажущееся истинным убеждение не может считаться знанием без обоснования, поскольку лишь знание генерируется объектами, истинность которых уже подтверждена. Поэтому главная его цель состоит в том, чтобы продемонстрировать то, что истинность убеждения не требует обоснования, поскольку это т. н. обоснование с необходимостью предполагает кажущуюся истинность убеждения. Это приводит его к редукции истины к кажимости и одновременному утверждению её в качестве атрибута объекта, а не убеждения.

Проблема состоит в том, что без сильного дизъюнктивизма два последних утверждения остаются онтологически нерелевантными. Если попытаться свести истину к кажимости и при этом утверждать то, что она не должна требовать обоснования, максимум, на что можно претендовать, так это на некую гипотетическую феноменологию истины, стерильный характер которой ещё больше усиливается тезисом о неотличимости. Единственный аргумент в её пользу заключается в том, что те, против кого она направлена, не могут предложить ничего лучше. Мы имеем в виду, что и У. Олстон, и классические интерналисты практически ничем не отличаются в отношении инфантильного полагания кажимости истинности убеждений, якобы являющихся необоснованными. Оно, несомненно, не может обойтись без допущения случайности эмпирической истины и, в силу этого, вызывает у нас недоумение,

⁷¹ The Dictionary of Modern American Philosophers, ed. by John R. Shook. Vol. I. Bristol, 2005. P. 57.

⁷² W. Alston. Back to the Theory of Appearing. *Noûs*, Vol. 33, Supplement: Philosophical Perspectives, 13, Epistemology, 1999. P. 181–203.

⁷³ W. Alston. *Perceiving God: The Epistemology of Religious Experience*. Ithaca and London, 1991. P. 57.

⁷⁴ W. Alston. Back to the Theory of Appearing... P. 191.

⁷⁵ W. Alston. *Perceiving God*... P. 2.

а не воодушевление, как у У. Олстона. Поэтому сильный дизъюнктивизм, хотя и соглашается с этими двумя утверждениями, говорит не о том, что от кажущихся истинными убеждений нельзя требовать обоснования, а о том, что в отношении убеждений, с необходимостью кажущихся обоснованными, неразумно требовать ещё какого-то «подтверждения». Что касается того, что кажущаяся обоснованность может оказаться мнимой, то от этого не может спасти никакое «подтверждение», пусть даже истинным познавательным актом. В итоге получается, что концепция У. Олстона вопреки здравому смыслу считает любое кажущееся обоснованным эмпирическое убеждение не кажущимся обоснованным. При этом сильный дизъюнктивизм не утверждает, что кажущееся обоснованным убеждение всегда является истинным, а лишь то, что это так только в «хорошем» случае, и поэтому очень щепетильно относится к этому вопросу, в отличие от других теорий, которые сначала полагают кажимость истинности любых якобы необоснованных убеждений, а затем вынуждены либо постфактум «цензурировать» это полагание, либо отказываться от его обоснования.

Таким образом, сильный дизъюнктивизм отрицает существование случайных истин и может, вопреки Лейбницу, утверждать: истинность того факта, что Спиноза умер в Гааге, не является случайной даже с учётом того, что он мог умереть в другом месте⁷⁶. Это так, потому что кажимость истинности объекта не может обосновывать ни убеждение, ни знание: наоборот, знание обосновывает⁷⁷ истинность объекта, не сводясь к её кажимости. Поэтому сильный дизъюнктивизм отрицает возможность подтверждающего онтологического коррелята познавательных актов, подразумевая при этом их естественную взаимную согласованность, не выступающую, однако, в качестве критерия истинности. Но если это так, могут нам возразить, тогда наши попытки избежать идеализма являются необоснованными, поскольку реализм предполагает корреспондентскую теорию истины, которая как раз подразумевает этот подтверждающий коррелят. Ответ будет заключаться в том, что даже если и не корреспондентская теория истины, то, по крайней мере, лежащий в её основе реляционализм⁷⁸ не обязан его подразумевать. Наиболее близкая к нашей теории форма реляционализма, принятая феноменальным дизъюнктивизмом, сводится к утверждению о том, что феноменальный

⁷⁶ Н. Ishiguro. Contingent Truths and Possible Worlds. Midwest Studies in Philosophy, Volume 4, 1979. P. 358.

⁷⁷ При этом мы не отождествляем обоснование с генерацией.

⁷⁸ Термином «реляционализм» мы переводим англоязычный термин «relationalism», который не имеет отношения к реляционизму, часто обозначаемому в англоязычной литературе тем же термином. См.: Загидуллин Ж. К., Иванов Д. В., Труфанова Е. О. «Сознание: объяснение, конструирование, рефлексия». М., 2016. С. 22. Мы, однако, не придерживаемся определения реляционализма, принятого в этой монографии.

характер восприятия образован нерепрезентативным психологическим отношением к независимым от ума объектам⁷⁹. Однако она не может нам полностью подойти по причинам, изложенным на протяжении настоящего очерка, главными из которых являются подразумевание каузальной эпистемологии, наивного реализма⁸⁰ и тезиса о неотличимости.

Для сильного дизъюнктивизма важно прежде всего подчеркнуть приверженность реалистическому пониманию истины, поэтому его теорию кажимости можно условно назвать акаузальным реляционализмом. Мы здесь не претендуем на его окончательное определение, поскольку, по-видимому, оно невозможно в полном отрыве от онтологии и в силу этого может варьироваться. Однако из основного содержания настоящего очерка должно быть понятно, что рассматриваемая теория кажимости не сводится ни к наивному реализму, ни к слабому дизъюнктивизму, ни к классическому интернализму, ни к экстернализму, ни к когерентизму, ни к интенционализму, ни к феноменологии, ни к идеализму, ни к прагматизму, будучи реляционализмом, отрицающим возможность подтверждающего онтологического коррелята познавательного акта. Чтобы дополнительно уточнить его идентичность, подчеркнём, что он отрицает любое отождествление между обоснованием убеждения или знания и их генерацией на эпистемологическом уровне и в силу этого — возможность обоснования какого-либо убеждения внеположной ему кажимостью объекта. Отсюда следует невозможность того, чтобы эта кажимость полагалась в качестве познаваемых атрибутов и внеположного знанию субстрата, якобы каузально обуславливающего знание и мотивирующего ложный взгляд на природу познавательного отношения как рядоположного своим объектам.

П. III сильного дизъюнктивизма является прямым следствием первых двух его положений и утверждений, сделанных в основной части очерка, поэтому его рассмотрение не требует длительного анализа. Опровержение познавательного акта может быть только онтологическим, потому что никакой другой возможности для этого не существует. Под «онтологическим» способом здесь имеется в виду просто совокупность факторов, внеположных конкретному опровергаемому познавательному акту, но не познавательному акту как таковому. Среди них с необходимостью будут присутствовать другой познавательный акт и онтологически обусловленное отношение между опровергающим и опровергаемым познавательными актами. Чтобы прояснить ситуацию, сравним основные эпистемологические теории в этом аспекте.

Мы уже говорили о том, что все участники дискуссии, кроме сильного дизъюнктивизма, полагают различие между «хорошим» и «плохим» случаем, но

⁷⁹ R. Locatelli. Relationalism in the Face of Hallucinations... P. 1.

⁸⁰ Феноменальный дизъюнктивизм позиционируется в качестве способа защиты именно наивного реализма, который подразумевает тезис о неотличимости.

вопреки здравому смыслу претендуют на то, чтобы оно было, так сказать, различием без различения. При этом слабый дизъюнктивизм понимает опровержение лишь в качестве коррелята неподтверждения. Конъюнктивизм заходит в этом отношении ещё дальше и формирует тенденцию, которая не менее тревожна, чем концепция явления вообще, но на которой не заостряют внимания. Её можно проиллюстрировать по аналогии с хорошо известным фальсификационизмом К. Поппера, хотя она ни в коем случае к нему не сводится. Так, К. Поппер утверждал, что теория, претендующая на научность, должна быть принципиально фальсифицируемой. Конъюнктивизм, по аналогии, фактически утверждает, что убеждение, претендующее на истинность, должно быть принципиально интроспективно опровержимо. Таким образом, он, во-первых, допускает возможность эпистемологического опровержения познавательного акта, а во-вторых, утверждает его в качестве единственно возможного способа опровержения. Поэтому он не просто пытается представить опровержение в качестве коррелята неподтверждения, а подразумевает, что интроспекция предполагает его в силу своей природы. Поэтому для него онтологическое подтверждение убеждения является одновременно эпистемологическим опровержением противоположного. Суммируем выявленные различия в следующей таблице.

	Сильный дизъюнктивизм	Слабый дизъюнктивизм	Конъюнктивизм	Экстернализм
Обоснование убеждения	Эпистемологическое	Онтологическое	Онтологическое	Нерелевантно
Опровержение убеждения	Онтологическое	Онтологическое	Эпистемологическое	Онтологическое

*Таблица 2. Основные эпистемологические теории и соответствующие им
способы обоснования и опровержения убеждения*

Допущение эпистемологического способа опровержения, несомненно, подпитывается тезисом о неотличимости и может быть выявлено уже в теории *tabula rasa* Локка и скептицизме Юма. Так, Юм строит свою эпистемологию на признании невозможности интроспективного обоснования эмпирических убеждений в силу случайного характера их истинности и пытается свести интроспективное обоснование к такому же типу истинности, т. е. пробабилizmu. Всё это подаётся в качестве радикального скептицизма, хотя ясно, что Юм всего лишь сводит к абсурду доставшуюся ему в наследство от Декарта и Локка

определённым образом проинтерпретированную сферу умопостигаемого. Он приходит к выводу, что последняя является губительной для обоснования эмпирических убеждений и ведёт к полному уничтожению их оснований. Однако ситуацию спасает возможность эмпирического обоснования убеждений⁸¹. Она хоть и основана на «идеалистической» каузальности, подкреплённой теорией ассоциации идей, но сохраняет все черты необходимости⁸². Таким образом, Юм пытается неправомерно растолковать интроспективный инфаллибилизм с интроспективной необходимостью, оставив только последнюю. Это ведёт, собственно, к концепции явления вообще и эпистемологическому эгалитаризму⁸³, поскольку обоснование интроспекции опытом было бы невозможным, если бы убеждения не имели равный статус в плане необоснованности. Но, помимо этого, подобное понимание предполагает, что любое убеждение может быть эпистемологически опровергнуто просто по факту онтологического подтверждения противоположного. Деструктивный характер такого понимания очевиден.

Оно, однако, не замечает, что является гротескной формой ошибок слабого дизъюнктивизма. Так, в первой части очерка мы уже отмечали необоснованность теории, согласно которой интроспекция может считаться истинной только в случае её подтверждения истинным познавательным актом вопреки тому, что уже предполагает инфаллибилизм обоснования убеждения, к которому нельзя ничего добавить. Рассматриваемое же воззрение заходит ещё дальше — считает необходимой только ту интроспекцию, которая подтверждена опытом, и делает вид, что о её инфаллибилизме не может идти и речи. Однако почему именно она должна быть необходимой, а не любая другая, и почему она обладает опровергающей силой, оно объяснить не в состоянии.

В заключение хотелось бы обратить внимание на неправомерно большую роль, которую играло рассмотрение тезиса о неотличимости галлюцинации от истинного восприятия в структуре настоящего очерка. Как должно было стать ясно примерно начиная со второй части очерка, акцент на нём был продиктован лишь полемической ситуацией, а не особой значимостью этого тезиса по сравнению с другими вопросами. В действительности необходимость постоянно принимать его во внимание скорее мешала основной аргументации ввиду его

⁸¹ R. J. Fogelin. *Hume's Skepticism*. The Cambridge Companion to Hume, Second Edition. Cambridge, 2009. P. 225–226.

⁸² M. Boehm. *Certainty, Necessity, and Knowledge in Hume's Treatise*. David Hume: A Tercentenary Tribute, ed. by S. Tweyman. Ann Arbor, 2013. P. 84.

⁸³ K. Meeker. *Hume's Radical Skepticism and the Fate of Naturalized Epistemology*. New-York, 2013. P. 87.

зависимости от других тезисов онтологического характера. Так, он на деле является отдалённым следствием классического дуализма умопостигаемого и чувственного, которое, в свою очередь, является результатом отождествления реальности знания и его истинности. Что касается тезиса о нейтральности интроспекции, то его следует скорее напрямую возвести к последнему отождествлению, а не к тезису о неотличимости. Таким образом, мы утверждаем, что дизъюнктивизм не следует формулировать в жёсткой связи с этим тезисом. На наш взгляд, в его основе лежит более «простая» идея, которая сводится к тому, что интроспективную обоснованность убеждения в «плохом» случае нельзя считать существующей именно в силу несуществования объективного компонента интроспекции. И мы допускаем, что слабый дизъюнктивизм можно сформулировать именно с опорой на эту идею, но без привлечения тезиса о неотличимости или даже дуализма умопостигаемого и чувственного. Другое дело, что он не станет от этого радикально более последовательным, поскольку не в состоянии защитить реалистическое понимание истины, необходимое для обоснования этой идеи.

Литература

Загидуллин Ж. К., Иванов Д. В., Труфанова Е. О. Сознание: объяснение, конструирование, рефлексия. — М., 2016. — 169 с.

Рогонян Г. С. В чём не ошибаются рациональные животные? (Рецензия на книгу McDowell J. Perception as a Capacity for Knowledge. Marquette University Press, 2011, 57 p.) // *Эпистемология и философия науки*. 2012. Т. 34. № 4. С. 237–241.

Alston W. Perceiving God: The Epistemology of Religious Experience. Ithaca and London, 1991. 336 pp.

Alston W. A Realist Conception of Truth. New-York, 1996. 274 pp.

Alston W. Back to the Theory of Appearing. *Noûs*, Vol. 33, Supplement: Philosophical Perspectives, 13, Epistemology, 1999. P. 181–203.

Avnur Y. Closure Reconsidered. *Philosopher's Imprint*, Vol. 12, № 9, April 2012. P. 1–16.

Bar-On D., Johnson D. Epistemological Disjunctivism: Perception, Expression, and Self-Knowledge. *New Issues in Epistemological Disjunctivism*, ed. by C. Doyle, J. Milburn and D. Pritchard. London, 2019. P. 317–344.

Ben-Yami H. Descartes' Philosophical Revolution: A Reassessment. London, 2015. 281 pp.

Bergmann M. Externalist Responses to Skepticism. *Oxford Handbook of Skepticism*, ed. by J. Greco. Oxford, 2008. P. 504–538.

Boehm M. Certainty, Necessity, and Knowledge in Hume's Treatise. *David Hume: A Tercentenary Tribute*, ed. by S. Tweyman. Ann Arbor, 2013. P. 67–84.

Brown J. Fallibilism: Evidence and Knowledge. Oxford, 2018. 197 pp.

Cohen S. Justification and Truth. *Philosophical Studies*, Vol. 46, Issue 3, November 1984. P. 279–295.

The Dictionary of Modern American Philosophers, ed. by John R. Shook. Vol. I. Bristol, 2005. 570 pp.

Dutant J. The Legend of the Justified True Belief Analysis. *Philosophical Perspectives*, 29, Epistemology, 2015. P. 95–145.

Engel M., Jr. Personal and Doxastic Justification in Epistemology. *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*, Vol. 67, № 2, August 1992. P. 133–150.

Farkas K. What is Externalism. *Philosophical Studies*, Vol. 112, Issue 3, February 2003. P. 187–208.

Fogelin R. J. Hume's Skepticism. *The Cambridge Companion to Hume*, Second Edition. Cambridge, 2009. P. 90–116.

Gettier E. Is Justified True Belief Knowledge? *Analysis*, Vol. 23, № 6, June 1963. P. 121–123.

Hetherington S. Knowledge and the Gettier Problem. Cambridge, 2016. 241 pp.

Ishiguro H. Contingent Truths and Possible Worlds. *Midwest Studies in Philosophy*, Volume 4, 1979. P. 357–367.

Johnsen B. C. Nozick on Scepticism. *Philosophia*, Vol. 16, Issue 1, April 1986. P. 65–69.

Kraft T. Epistemological Disjunctivism's Genuine Access Problem. *Theoria*, Vol. 81, Issue 4, December 2015. P. 311–332.

Lammeranta M. Theories of Justification. *Handbook of Epistemology*, ed. by I. Niiniluoto, M. Sintonen, J. Wolenski. Dordrecht, 2004. P. 467–497.

Locatelli R. Disjunctivism and the Puzzle of Phenomenal Character. Vieira da Cunha, R., Morando, C. and Miguens, S. (eds.) *From Minds to Persons: Proceedings of MLAG's First Graduate Conference*. FLUP, Porto, 2014. P. 39–58.

Locatelli R. In Defence of Phenomenal Disjunctivism: An Elucidation. *Phenomenology and Mind*, № 4, 2016. P. 154–161.

Locatelli R. Relationalism in the Face of Hallucinations, Ph.D Thesis. Université Panthéon-Sorbonne — Paris I, 2016. 327 pp.

Logue H. Disjunctivism. *The Oxford Handbook of Philosophy of Perception*, ed. by M. Matten. Oxford, 2015. P. 198–216.

Martin M. G. F. On Being Alienated. *Perceptual Experience*, ed. Tamar S. Gendler and John Hawthorne. Oxford, 2006. P. 354–410.

Martin M. G. F. The Reality of Appearances. *Disjunctivism: Contemporary Readings*, ed. by Alex Byrne and Heather Logue. Cambridge, 2009. P. 91–115.

Martin M. G. F. The Limits of Self-Awareness. *Disjunctivism: Contemporary Readings*, ed. by Alex Byrne and Heather Logue. Cambridge, 2009. P. 271–317.

McDowell J. Mind and World. London, 1996. 191 pp.

McDowell J. The Disjunctive Conception of Experience as Material for Transcendental Argument. *Disjunctivism: Perception, Action, Knowledge*, ed. by A. Haddock and Fiona Macpherson. Oxford, 2008. P. 376–389.

McDowell J. Avoiding the Myth of the Given. *Having the World in View: Essays on Kant, Hegel, and Sellars*. London, 2009. P. 256–272.

Meeker K. Hume's Radical Skepticism and the Fate of Naturalized Epistemology. New-York, 2013. 196 pp.

Neta R., Pritchard D. McDowell and the New Evil Genius. *Philosophy and Phenomenological Research*, Vol. 74, Issue 2, March 2007. P. 381–396.

The Oxford Companion to Consciousness, ed. by T. Bayne, A. Cleeremans, P. Wilken. Oxford, 2009. 688 pp.

Pereira F. Gandarillas Sense-data, Introspection and the Reality of Appearances. *Praxis Filosófica*, Nueva serie, № 33, agosto-diciembre 2011. P. 75–105.

Pritchard D. What Is This Thing Called Knowledge? New-York, 2006. 188 pp.

Pritchard D. Epistemological Disjunctivism. Oxford, 2012. 170 pp.

Soteriou M. Disjunctivism. London, 2016. 227 pp.

Smithies D. Review of Duncan Pritchard, Epistemological Disjunctivism. *Notre Dame Philosophical Reviews*, January 2013. URL: <https://inndpr.nd.edu/news/epistemological-disjunctivism/>

Williams M. Contextualism, Externalism and Epistemic Standards. *Philosophical Studies*, Vol. 103, № 1, March 2001. P. 1–23.

References

Zagidullin Zh., Ivanov D., Trufanova E. *Soznanie: ob'yasnenie, konstruirovaniye, refleksiya* [Consciousness: explanation, construction, reflection]. M., 2016. 169 pp. (In Russian)

Rogonyan G. S. *V chyom ne oshibayutsya racional'nye zhivotnye? (Recenziya na knigu McDowell J. Perception as a Capacity for Knowledge. Marquette University Press, 2011, 57p.)* [Wherein do rational animals never go wrong? (Review of J. McDowell Perception as a Capacity for Knowledge. Marquette University Press, 2011, 57 p.)] In *Epistemologiya i filosofiya nauki*, Vol. 34, № 4, 2012. P. 237–241. (In Russian)

Alston W. Perceiving God: The Epistemology of Religious Experience. Ithaca and London, 1991. 336 pp.

Alston W. A Realist Conception of Truth. New-York, 1996. 274 pp.

Alston W. Back to the Theory of Appearing. In *Noûs*, Vol. 33, Supplement: Philosophical Perspectives, 13, Epistemology, 1999. P. 181–203.

Avnur Y. Closure Reconsidered. In *Philosopher's Imprint*, Vol. 12, № 9, April 2012. P. 1–16.

Bar-On D., Johnson D. Epistemological Disjunctivism: Perception, Expression, and Self-Knowledge. In *New Issues in Epistemological Disjunctivism*, ed. by C. Doyle, J. Milburn and D. Pritchard. London, 2019. P. 317–344.

Ben-Yami H. Descartes' Philosophical Revolution: A Reassessment. London, 2015. 281 pp.

Bergmann M. Externalist Responses to Skepticism. In *Oxford Handbook of Skepticism*, ed. by J. Greco. Oxford, 2008. P. 504–538.

Boehm M. Certainty, Necessity, and Knowledge in Hume's Treatise. In *David Hume: A Tercentenary Tribute*, ed. by S. Tweyman. Ann Arbor, 2013. P. 67–84.

Brown J. Fallibilism: Evidence and Knowledge. Oxford, 2018. 197 pp.

Cohen S. Justification and Truth. In *Philosophical Studies*, Vol. 46, Issue 3, November 1984. P. 279–295.

The Dictionary of Modern American Philosophers, ed. by John R. Shook. Vol. I. Bristol, 2005. 570 pp.

Dutant J. The Legend of the Justified True Belief Analysis. In *Philosophical Perspectives*, 29, Epistemology, 2015. P. 95–145.

Engel M., Jr. Personal and Doxastic Justification in Epistemology. In *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*, Vol. 67, No. 2, August 1992. P. 133–150.

Farkas K. What is Externalism. In *Philosophical Studies*, Vol. 112, Issue 3, February 2003. P. 187–208.

Fogelin R. J. Hume's Skepticism. In *The Cambridge Companion to Hume*, Second Edition. Cambridge, 2009. P. 90–116.

Gettier E. Is Justified True Belief Knowledge? In *Analysis*, Vol. 23, № 6, June 1963. P. 121–123.

Hetherington S. Knowledge and the Gettier Problem. Cambridge, 2016. 241 pp.

Ishiguro H. Contingent Truths and Possible Worlds. In *Midwest Studies in Philosophy*, Volume 4, 1979. P. 357–367.

Johnsen B. C. Nozick on Scepticism. In *Philosophia*, Vol. 16, Issue 1, April 1986. P. 65–69.

Kraft T. Epistemological Disjunctivism's Genuine Access Problem. In *Theoria*, Vol. 81, Issue 4, December 2015. P. 311–332.

Lammeranta M. Theories of Justification. In *Handbook of Epistemology*, ed. by I. Niiniluoto, M. Sintonen, J. Wolenski. Dordrecht, 2004. P. 467–497.

Locatelli R. Disjunctivism and the Puzzle of Phenomenal Character. Vieira da Cunha, R., Morando, C. and Miguens, S. (eds.) In *From Minds to Persons: Proceedings of MLAG's First Graduate Conference*. FLUP, Porto, 2014. P. 39–58.

Locatelli R. In Defence of Phenomenal Disjunctivism: An Elucidation. In *Phenomenology and Mind*, № 4, 2016. P. 154–161.

Locatelli R. Relationalism in the Face of Hallucinations, Ph.D Thesis. Université Panthéon-Sorbonne — Paris I, 2016. 327 pp.

Logue H. Disjunctivism. In *The Oxford Handbook of Philosophy of Perception*, ed. by M. Matten. Oxford, 2015. P. 198–216.

Martin M. G. F. On Being Alienated. In *Perceptual Experience*, ed. Tamar S. Gendler and John Hawthorne. Oxford, 2006. P. 354–410.

Martin M. G. F. The Reality of Appearances. In *Disjunctivism: Contemporary Readings*, ed. by Alex Byrne and Heather Logue. Cambridge, 2009. P. 91–115.

Martin M. G. F. The Limits of Self-Awareness. In *Disjunctivism: Contemporary Readings*, ed. by Alex Byrne and Heather Logue. Cambridge, 2009. P. 271–317.

McDowell J. *Mind and World*. London, 1996. 191 pp.

McDowell J. The Disjunctive Conception of Experience as Material for Transcendental Argument. In *Disjunctivism: Perception, Action, Knowledge*, ed. by A. Haddock and Fiona Macpherson. Oxford, 2008. P. 376–389.

McDowell J. Avoiding the Myth of the Given. In *Having the World in View: Essays on Kant, Hegel, and Sellars*. London, 2009. P. 256–272.

Meeker K. Hume's Radical Skepticism and the Fate of Naturalized Epistemology. New-York, 2013. 196 pp.

Neta R., Pritchard D. McDowell and the New Evil Genius. In *Philosophy and Phenomenological Research*, Vol. 74, Issue 2, March 2007. P. 381–396.

The Oxford Companion to Consciousness, ed. by T. Bayne, A. Cleeremans, P. Wilken. Oxford, 2009. 688 pp.

Pereira F. Gandarillas Sense-data, Introspection and the Reality of Appearances. In *Praxis Filosófica*, Nueva serie, № 33, agosto-diciembre 2011. P. 75–105.

Pritchard D. *What Is This Thing Called Knowledge?* New-York, 2006. 188 pp.

Pritchard D. *Epistemological Disjunctivism*. Oxford, 2012. 170 pp.

Soteriou M. *Disjunctivism*. London, 2016. 227 pp.

Smithies D. Review of Duncan Pritchard, Epistemological Disjunctivism. In *Notre Dame Philosophical Reviews*, January 2013. URL: <https://Inndpr.nd.edu/news/epistemological-disjunctivism/>

Williams M. Contextualism, Externalism and Epistemic Standards. In *Philosophical Studies*, Vol. 103, № 1, March 2001. P. 1–23.

Strong and Weak Disjunctivism: A Short Comparative Essay

M. A. Bandurin,

Ph.D., independent researcher, Ivanovo, Russia,
mb.ivs@gmail.com

Abstract: The brief essay is devoted to the articulation of the main claims of strong disjunctivism in its comparison with weak disjunctivism. They are examined in the main part of the essay as constituting the only possible way to defend a realist conception of truth that combines internalism with the thesis of the independence of truth from introspective justification. It is concluded that weak disjunctivism, even though it compares favorably with its opponents in this respect, cannot claim to defend a realist conception of truth.

Keywords: epistemology, disjunctivism, introspection, knowledge, truth, belief, appearance, hallucination, infallibilism, justification, invalidation.